

ОКРАИНА СОЛНЕЧНЫХ ДНЕЙ

16+

Сахаров Вячеслав
Валерьевич

Мяунджинские повести

Русский север

Вячеслав Сахаров

Окраина Солнечных Дней

«Автор»

2020

Сахаров В. В.

Окраина Солнечных Дней / В. В. Сахаров — «Автор»,
2020 — (Русский север)

ISBN 978-5-532-07842-0

Мяунджа - поселок на севере страны в Магаданской области. Воспоминания о малой родине, о людях из детства и юности. Приключения и шалости, влюбленность и беспечность, память и назидание. Реальные истории из жизни. Много кто сможет найти себя на страницах книги. Всем Мяунджинцам посвящается. Иллюстрации к книге: Валерия Колбасова, Елена Климченко, Кристина Савина и Сахаров Вячеслав.

ISBN 978-5-532-07842-0

© Сахаров В. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
Глава 1. Сено	7
Глава 2. Энергетик	10
Глава 3. В ж* Октябрьскую	18
Глава 4. 2003 год	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Вячеслав Сахаров

Окраина Солнечных Дней

Моим родителям,
и всем Мяунджинцам посвящается.

Автор фото: Елена Климченко (Жукова)

Пролог

Вечер, дорога, автобус, выпивка. Солнце садится за горизонт, я погружён в свои мысли, глядя на прекрасный закат, в прочем как всегда, сколько себя помню. Закат и выпивка, и песня группы «Metallica» – Turn the page, навевают мне историю, которую я расскажу.

Эта история обо мне, и моей жизни, о людях, которых я знал и знаю. Здесь будет все, как говорится: и смех, и грех. Я решил написать о своей жизни, переплетая ее с жизнями других людей. Приготовьтесь к тому, что будет как минимум интересно, а тем, кто меня знает, будет вдвойне интересно.

Помните те веселые деньки, когда было беззаботно, а самым страшным наказанием было не пойти гулять. Когда не было гаджетов, а фильмы были намного интереснее. Когда никто не жаловался на плохие дороги, потому что никто не думал о том, какие они хорошие. Но если горку на Юбилейной зимой посыпали фигнёй – это была катастрофа.

Поехали.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. Сено

Как-то в детстве я лежал в больнице, не помню по какой причине, мне было не больше восьми. Сначала я вел себя тихо, я с детства был стеснительным, но, когда кто-то меня достал, я перешел в нападение. Пришла меня навестить мама, а лежала в детском отделении со мной девочка, старше, не помню кто она такая, и она сказала маме, что я мол сорвиголова, боевой парень, душа компании. Так оно и вышло, так все и было, до поры, до времени, но об этом позже.

Когда я шел с мамой с больницы, меня встречал весь двор, все бежали на встречу, о Славич вернулся, кричали они. Это было приятно, но больше радовало другое, что я не в четырех стенах. Именно с этого я и начну историю.

Жили мы на севере, есть там поселок, под названием – Мянунджа, что в переводе с языка Эвенского – большое сердце, но почему-то все называли его – сердце Колымы. Народу было там прилично, в ранние годы, но со временем брошенных домов становилось больше. Люди уезжали. Природа там волшебная, просто прекрасная. Даже не описать, только увидев поймёшь. Улица моя была – Октябрьская. Жили мы на пятом этаже, а над окном кухни, было чердачное вентиляционное окно, через которое я иногда сбегал из дома, чтобы погулять. Забавная история, но о ней потом.

Славич – так меня называли все, от друзей, до учителей и даже тогда еще милиционеры, с которыми в дальнейшем я виделся часто. А прозвал меня так мой детский друг, Ванька Фокин (Фока), он жил в соседнем доме, тоже на пятом этаже. Тогда можно было тусоваться в подвале, и это было модно, но мы собирались в коробах, где были вентиля, трубы. Зимой тепло, дом рядом, но меня это всегда смущало. Я всегда хотел узнать больше, мечтал путешествовать, и я вскоре начал это делать. Все будет по порядку, и иногда я буду возвращаться к началу.

Мы были маленькие, но были ребята, которые были младше. Например, мой сосед Игорь Будяков, которого мы запугивали историей о голой злой тетке под лестницей. И если он не вынесет что-нибудь вкусное из дома, то мы скажем ей, и она его изнасилует. Забавная страшилка. Правда как-то после грозы я возвращался домой и вдруг представил себе эту тетку. Сначала я боялся зайти в подъезд, а там еще и света не было в тамбуре, но, когда зашел, летел до пятого этажа.

Был еще во дворе Толик Дик, возраста как Игорь, с ним мы проделали другое. За домом Октябрьской 12а, вырыли канаву, чтоб вода уходила. Была зима, у кого-то был снежок, так вот на него мы и посадили Толика. А во льду пробили дыру, он не видел. Разогнали мы его толпой и говорим: «Кричи – я рокер по воде». Тот и крикнул, точнее пытался. Звучало это примерно так: я рокер по бла, буль-буль. Нам было смешно, а Толику холодно.

А так, мы занимались всякой ерундой. Например, зимой, находили старые диваны, вытаскивали пружины, связывали пружины от нескольких диванов, ставили это рядом с каким-нибудь высоким местом и прыгали сальто. Летом лазили по крышам, играли там в прятки, на стройке где кран стоял, тоже играли в прятки.

Жил у нас во дворе Саша Левыкин (Лёва), кукольных дел мастер. Однажды, мы соорудили чучело ростом с человека из травы и палок, нашли вещи на чердаке дома Октябрьская 12, и одели чучело в эти вещи. А потом скинули с третьего этажа, как раз уже тогда заброшенного здания милиции. На скамейке сидели три бабушки, одна из которых упала в обморок.

– Господи! Человека скинули! Упал человек! – кричали они.

Бабушку откачали, нас отлупили. Потом нам было весело ходить и бить в подъездах стекла. Когда нас поймали, конечно было грустно и больно. Заставили родителей восстанавливать.

После нового года, я и Фока вечно ходили собирали петарды и ракетки, которые не сработали. И вот как-то мы насобирали их, пришли в мой подъезд и давай экспериментировать. В огромную петарду мы вставили спичку, а в римскую свечу кусочек бумажки, и положили это все на батарею и подожгли одновременно. В петарде спичка прогорела и тишина, ну мы лица подносим к ней ближе.

– Да не бахнет она, – говорю я.

В этот момент – БА-БАХ. В ушах звон, в глазах пятна, сердце бешено стучит. Смотрю на Фоку, а у него лицо черное, я смеюсь, а он на меня пальцем тычет и тоже смеется. Я тоже был черный. Но мы забыли про свечу, и про то, что мы в подъезде. Бежит на взрыв мужик сверху, мы видим его, ему остается одна лестница, самая последняя, короткая, а свеча получается направлена на него, и она начинает стрелять. Вокруг него фейерверк, взрывы, дым, он бежит обратно на верх прикрываясь руками. Мы убегаем, но бежать не можем от смеха, ноги заплетаются.

Вернемся к селу. Пошли мы как-то на местную ферму, там для лошадей запасали сено на зиму. Погода была солнечная, стоял март, снегу в тот год выпало много. Мы играли на этом сене, прыгали сальто, рыли норы. Правда дома потом влетало, вещи пропитывались пылью, а лица были, как у шахтеров. Вообще, там не разрешали играть, боялись, что подожгут или еще что.

Значит играем мы, никого не трогаем, а по дороге едет автобус и резко поворачивает на нас. Кто куда, а я бежать прочь, снега по пояс, обувь слетает. Вижу за мной бежит Сашка, падает лицом в снег, а за ним бригадир, Харитоновна Светлана. Я провалился, под снегом были какие-то трубы, нога застряла, но я вырвался и бежать. Смотрю назад, а там еще и Вася бежит, и Леша Цибизов (Цып), да, именно через «ы», и Дима (Зелень), а вот Ваня Фокин (Фока) решил схитрить и спрятался в сене, откуда его и взяли тепленьким. Мы бежали вдоль реки, замерзшей естественно, вверх по течению, потом долго отсиживались на какой-то даче. Начало темнеть и холодать, мы решили идти к дому. Когда дошли, нам осталось только перейти дорогу, и мы во дворе, но откуда-то вылетает этот автобус и прибавляет скорость, мы перебегаем дорогу, а у меня ноги так замерзли, что я даже не почувствовал, что ботинок слетел. Гляжу на ногу, ботинка нет, я назад, Цып подбирает его и бежит с ним. Забегаем во двор и быстро в подвал через проем в стене. Тепло, трубы горячие. Хорошо. Но на улице стемнело, пора по домам, а идти страшно, влетит. Фока конечно под давлением все фамилии сказал. Я пришел домой, но родители еще ничего не знали, пронесло. Но и мы ничего не знали, что этим вечером сено загорелось.

На следующий день, я вышел из подъезда и как всегда направился в сторону центра. Слышу, шаги сзади, как будто кто-то бежит, обернулся, Мишка Дегтярёв, бежит на меня, лицо злое, ну я и побежал от него. Мишку я знал с детства раннего, наши родители хорошо дружили, я часто бывал у них в гостях и даже с ночевкой. У него сестра, Света, так вот однажды, она пекла блины, а мы из-под стола таскали готовые с тарелки. Она повернется положить следующий, а тех и нет, потом нас нашли. Однажды, когда еще на перекрестке, на выезде из поселка был магазин, мы там гуляли, и он мне предложил много марсов и сникерсов, но для этого нужно было разбить стекло. Стекло я разбил, сникерсов и марсов мы не поели конечно, но зато по болоту поползали. А еще как-то у меня туфля уплыла на речке, тот тащил на себе меня, а тогда за обувь можно было так получить, в общем наткнулись мы на мою маму. Что делать? Бежать. Вот он со мной на спине бежал, мама за нами, поймали нас. А потом взрослые над нами смеялись долго. Так вот с Мишкой мы хорошо знаем друг друга, он много раз за меня

заступался. Я всегда хотел гулять с его компанией, но и своих не бросал. Кстати, отдельное ему спасибо. Ведь это он дал мне в десять лет послушать группу – Nirvana.

Так вот догнал он меня и как всегда отсушил плечи и ляжки. Бьешь по мышце долго, в одно место, и она сохнет. Хочется смеяться, а слёзы сами льются от ноющей боли. Он и дружок, другой Мишка, часто со мной такие штуки выкидывали.

– Кто сено поджег?! – спрашивает он меня.

– Да это не мы, мы ушли, там все нормально было, – отвечаю я. – Честно, мы не поджигали.

– Вы там были, на сене, у кормоцеха.

Как он это сказал, я понял, что мы то на другом сене были, возле теплиц. Я ему пытался это сказать, но он не слушал.

В итоге он сказал, что мы будем сами отвечать. А почему он был такой злой, я сейчас расскажу. Дело в том, что у его друга, Сашки Гребнева, отец работал на ферме. В тот вечер, они шли от него. Сено уже горело. Шли они себе, а за ними на УАЗ мчит директор фермы, они бежать. Забегают за столб, директор не справился с управлением и разбил машину о столб. А их поймал дядька, кстати отец одного из их компании. Он посадил их в продуктовую будку на грузовике. Спрос был с них.

Что было дальше? А было вот что. Я был наказан дома, меня закрыли, чтобы я не пошел гулять, не помню за что, но скорее всего за опоздание домой. Пришли ко мне дружки мои и говорят через дверь, что меня вызывает инспектор по делам несовершеннолетних, тогда это была Чучурина, если мне не изменяет память. А я-то не могу выйти, и они мне говорят, мол мы тогда на тебя все свалим. Я в гневе, дергаю дверь, а что толку. Дождался я маму и мигом, под предлогом на полчаса к другу, побежал в отделение милиции. И вот, стою я на пороге огромного кабинета, ловлю на себе взгляд из подлюбья инспектора.

– Ты у нас Сахаров? – спрашивает она, в ответ я киваю, и она продолжает. – Ну давай, рассказывай.

Ну я рассказал конечно все, как было на самом деле, она что-то записала и с улыбкой сказала, что я могу идти. Я вспотел, крутил замок на куртке, а тут такое. Ну я и ушел, довольный и придумал на ходу, как отомстить ребятам. На следующий день, в школе, я и пошутил над ними. А сказал я, что конкретно, Зеленому и Ваське, штрафы, а мне ничего. Они тогда были очень злые, но вскоре я сказал, что пошутил. Там выяснили все и без нас.

А еще однажды, летом, как-то залезли на склад, через окно, на колымской автобазе. Она тогда еще работала. Там было все для машин, нам было просто интересно. Залезли день, залезли два. Как-то пришли в выходные, а там сторож. Она вроде обход делала, а тут мы, она нас естественно слышит. Мы в коридор, там какие-то комнаты, со стеллажами. Темно, света нет, легли все на эти стеллажи. Лежим, не дышим. Я лежу прям с краю. Заходит эта тетка. А с нами была девочка со двора, Лена звали, потом она уехала, она рядом со мной лежала, я повернулся к ней, она меня целует. Конечно по-детски. Почему бы и нет, нас сейчас не поймают, и сторожа нет.

Слышим, тетка достает спички, ну все думаю, хана. Спичка зажглась, а тетка смотрит в другую сторону, а спичка прям передо мной, я, недолго думая, дую на спичку, она гаснет. Тетка зажигать вторую, а в этот момент мы соскакиваем со стеллажа и в рассыпную. Тетка ничего не успела понять.

Глава 2. Энергетик

Эта история произошла чуть позже, после событий с сеном, буквально этой же весной. Тогда уже в нашей компании происходили разногласия. Мне многое не нравилось, у меня уже происходило становление личности. Но как-то мы, еще будучи вместе, по абсолютно идиотским соображениям, решили не ночевать дома. На центральной улице, в доме, где позже жила моя подруга Кристина, к ней мы вернемся еще, была пустая квартира, там одно время жил Сыр. Ну там то мы и собирались, но нас гоняли соседи. И вот мы не ночуем дома, сидим. А в планах у нас вынести холодильник, который был за магазином «центр», а принадлежал он магазину Энергетик. Честно, брать то там было нечего, кроме легендарных американских сосисок «Барс», курицы в брикетах и немного вина.

Вот мы на месте, я залез на крышу стоящего рядом там сарая и был на стреме. А голоса от холодильника доносятся, у ребят не выходит что-то. Было нас трое, Цып, я и Вася. Я подошел и помог им снять решетку, дело пошло, вытаскиваем, я снова бегу на крышу, чисто. Время было позднее, и честно, меня смутило одно единственное окно в доме Юбилейной 4, где горел свет. Вдруг, меня зовут, я бегу к ним, ноги хрустят по льду, еще по ночам опускался морозец, а там дилемма. Вытащить то вытащили, а вот как это через забор высокий кидать, никто не подумал. Решили, что кто-то один перелезет и будет там принимать. Это был Вася. Стал он перелезать, слышим грохот. И голос из-за забора:

– Ай блин (под «блин» думаю вы поняли, что я имел ввиду), я цел, подавай.

– На.

– Подавай.

– На.

Принесли мы это все в эту квартиру, двухэтажный дом старого типа, еще с погребом, там все и спрятали. Ночь была веселой, объелись сырых сосисок, а когда они приелись, стали просто играть ими в войнушки. Так и уснули. Ребята на диване, что там был, а я на кресле, возле батареи, козырное место.

Просыпаюсь от света солнца. Хороший день, солнечный, весенний, еще свежо в воздухе, но солнце пригревает лицо. Смотрю я на этих своих гавриков, а они спят просто в сосисках, они кругом, в карманах, вокруг них, на полу, на стенах, и даже у Васи на лице. В прочем ему с детства всегда доставалось, то грибами играли на ферме, они у него в ушах вечно были, то пальто его спрячут в коробку с мусором, в подъезде, где мы играли в жмурки.

Ну вот, а что делать дальше?? Выкурив по паре окурков, которые Вася где-то подобрал с утра, мы разошлись. На следующий день, мы пошли на водосброс, прихватив наживы, разожгли огонь, и жарили эту наживу. Зелень и я пошли на дамбу, вода там еще не текла, стоял лед. И мы по этому льду катались вниз, пока Зелень не выбил ногу. Мы кричим Васе, иди к нам, тут интересно.

– Не, сюда идите, тут интересней, – слышим в ответ.

– Да нет, тут интересней, – снова кричу я, но в ответ слышу тоже самое.

Что там может быть интересней?! Идем туда, приходим. А там в воде плавает Гриша, не помню фамилии, он реально плавает в ледяной воде, не может забраться на берег, кругом лед, а что делает Вася?! А Вася стоит, пританцовывает, и дико смеется, и не видя нас продолжает сквозь смех кричать:

– Сюда, сюда, тут интересно.

Мы мигом нашли какую-то длинную ветку и протянули ему, вытащили. У Гриши зуб на зуб не попадает, а костер затух. Вечерело, пока дошли, до поселка, его одежда покрылась льдом.

Вернулся я домой. Получил. Папа тогда приехал с тайги, и сильно наказывать не стал. На следующий день я уже гулял. Еду на велосипеде Кама, проезжаю мимо летнего рынка, который там называли – базар, а эти балбесы, всей шайкой, сидят там, положили на прилавок курицу, и кричат: «покупайте!». «Вот придурки!» – думаю я, разворачиваюсь и еду в другую сторону, как вдруг подъезжает милицейский УАЗ, из него выходит хозяйка того самого Энергетика и два патрульных, и берут всех, прямо с поличным, в виде курицы и окорочков.

Буквально чуть позже, я попал в администрацию, так как, у меня участились прогулы в школе, и вот тогда мне припомнила инспектор по делам несовершеннолетних, тогда уже новая, мадам Буднинская, чтоб ее. А припомнила все, сено, энергетик и что-то там еще. По поводу энергетика, меня не таскали. Кто-то из ребят отмазал меня, хотя эта Буднинская знала, что я был на стреме. И помните то окно, да, за нами наблюдали с бинокля, это потом открылось.

Летом, мы ошивались до вечера на ферме. Там тогда работали – Мишка Дегтярев, Леха Бас, Саня Гребнев, Денис Бажажин (Длинный), Костя Радионов. Вот мы там и ошивались, помогали им по работе, пасли коров, катались на лошадях. После выпаса, мы оставались там, у нас был футбольный мяч, им мы и играли в футбол в загоне, ну, пока было сухо. Но не всегда, иногда вечерами мы собирались у Баса, он тогда жил на квартире, по Юбилейной 3, на четвертом этаже, и играли в приставку, вроде Сега. Хорошее было время. На ферме было много историй, не все вспомню.

Однажды был дождь, шел уже дня четыре, температура опустилась, болота на выпасе поднялись. Коров было голов семьсот. Ребята тогда что-то не захотели мерзнуть, типа поехали за коровами, которые направились раньше времени домой, а сами сидели в конюшне, сушились и грелись. А мы с Длинным, разожгли костер, возле чьей-то дачи, и кинули в огонь покрывку от грузовика, которую там нашли. Огонь сильный, жар обдаёт, рядом сидеть невозможно, повернулись мы спиной. Сидим, болтаем, мне спину припекает, прям хорошо. Вдруг Длинный повернулся назад и говорит:

– Славич, да ты горишь!

Я давай по сырой траве кататься, короче, что сушился, что нет. Коров мы тогда растеряли много. Одна в болоте утонула, по шею сидит, но траву ест! Пригнали трактор, чтоб вытащить, но трактор тоже утонул. На помощь пригнали гусеничный трактор, сначала вытащили трактор тот что затонул и принялись спасать корову. Подкопали с обеих сторон, просунули строп-ленту и вытащили.

Был еще случай, едем за фермой на конях, мы с Мишкой на одном коне, я на крупе, он в седле. А там встречают нас ребята, Миша Богдан и Денис Скунсов, просят нас помочь отвезти до гаража какую-то штуку, тяжелую из металла, кладут они ее значит между мной и седлом. Конь начал дуплетить, скидывать лишнее, я не успел взяться за дуги, ну и вылетел, заднее сальто, земля перевернулась, но в полёте я видел, как эта штука летит. Упал я в лужу, шапка на глаза, а где летит эта железка, не вижу. Шапку задираю, а она вот она, успел отползти чуть, но ногу задело. Смеялись долго все.

Бывали дни, когда совсем было скучно. Развлекались как могли, например, кидались с Колей Чукаевым лошадиными какашками. Или прибивали гвоздями чьи-то сапоги к полу, к дверному косяку, а бывало и выше. Утром, все делали вид серьезный, но ждали, когда тот, чьи сапоги прибиты, начнет переодеваться. А потом смеялись, когда он пытался или пойти, или поднять сапог.

Еще помню нелепый случай, который произошел со мной. Наелся я ягоды, морошки, ну мне и приспичило. Дело было в поле, бумаги нет, ну бегу я в кусты. А до этого был в седле. Сел я делать дела, а там комаров тьма, тучи, как они облепили мой зад и причиндалы, я взвыл. Делать то нечего, уже не могу терпеть, вспомнил, что у меня есть конский комарин, средство, мазь или лосьон для защиты от комаров и слепней. Ну я и намазал. А там то все потное, влажное. Как мне все запекло, глаза на лоб, что делать!?

Сделал дела. Там рядом ручей был, ну я и решил смыть мазь, глаза еще больше на лоб вылезли. Догадался же. В общем, ходил с ногами колесом дня три, в седло не садился. Кожа облазила.

Вообще ферму я знал давно. Еще в детстве я приходил туда к маме. Она работала там в ночь, и как-то я пришел, так и уснул на столе, но сначала мама поругала меня и дала хлеб и кружку молока. Вообще эти девяностые были тяжелые. Денег не было, работы не было, мама хваталась за все, за любую работу, понятно, мать есть мать. В магазинах брала в долг, даже помню, как приходилось продавать хрусталь, который ей дарили за заслуги на стройке. Просто продавать его по дешевке, чтобы хоть что-то купить. Я помню, совсем маленький, главная сладость была – это сахар. Конфеты я видел на новый год и день рождения. Когда ходил в садик, был у меня как-то день рождения, и мама тогда потратила последние копейки, чтобы у меня был торг. Вот это было примерно до девяносто шестого. Отец тогда часто выпивал, не в укор сказано, они с мамой часто ругались. Помню, отец забрал меня с улицы, и мы пошли в бар, днем конечно, назывался он – Колобок. Между двумя пентагонами, у ДК. Он что-то пил, а я ел мороженое шариками с бокала и стеснялся тетки, которая там работала. Потом кто-то нас сфотографировал на Полароид, и мы ушли, я звал отца домой, но он сказал, что не пойдет, я расстроился, шли мы по Октябрьской, которая еще была живая. Но отец пришел домой вечером. Иногда смотрю на это фото, папа еще

дой, я маленький, в любимой розовой куртке. Эхо советской моды. Позже, стала выпивать и мама, в начале двухтысячных, меня это дико раздражало. Не знаю по какой причине она выпивала, в душу не залезешь, может что-то вспоминала, не знаю, не хочу гадать. Не то, чтобы она ничего не делала, нет, она все делала, покупала, давала деньги на карманные расходы, но мне не нравился ее вид. Но это дела давно минувших дней. Я не в обиде ни на что, и

Я и папа. Фото взято из личного архива автора.

Я и папа. Фото взято из личного архива автора.

Папа, я и мама 1998 год. Ав. фото не известен.

Папа, я и мама 1998 год. Ав. фото не известен.

Что-то я отвлекся, а ферма, хорошее место, животные, люди, обычные люди, рабочий класс. Мы еще вернемся к ферме. Я упустил про Юбилейную 3, когда мы собирались у Баса, пару историй из того времени думаю надо обязательно написать.

Лето. Тогда оно было теплым. Был у нас магнитофон и колонка, тогда вышел альбом группы 7Б – молодые ветра. Вот и слушали его целыми днями. Мне тогда нравилась девочка из этого же дома, не помню, как ее звали, да и кто мне в те годы только не нравился. Как у Есенина:

Много женщин меня любило,

Да и сам я любил не одну.

Не от этого ль темная сила,

Приучила меня к вину.

Но подойти я не решался. Кстати, именно там я первый раз попробовал самогон. Было плохо до ужаса. Окно на распашку, и как у 7Б в песне: модный музон в магнитофоне звучит, пьяный портвейн в голове не болит.

Но у меня болел, и не портвейн, а самогон. Я тогда уже покуривал, модные сигареты, Пётр первый, как сейчас помню. Ну я прикурил, а сигарета с окна улетела, я вторую, и та улетела, я третью, пару затяжек и все. Вертолет привет! Меня прям с четвертого этажа рвёт, а там с третьего в окно высунулась соседка, а я поливаю. Это было что-то. Дальше я уснул, но Бас получил порцию словесных, ну вы поняли.

Как-то раз нас забрали за шум в милицию. Кому-то из пацанов стало плохо и его вывернуло. Подходит мент с дубинкой.

– Кто тут самый старший? – спрашивает он, и мы все дружно смотрим на Баса. – А ты, ну вот и убирать будешь. Вон тряпка.

– Не буду я убирать! – отвечает Бас. – Вы не имеете права!

НА! Тыщ! Тыщ!

– Ай, имеете, имеете!! – быстро сказал Бас, схватил тряпку и стал мыть. А нам что делать, мы падаем со смеха.

Закрыли нас всех в одну камеру. Чтоб посидели, подумали. Сидим, час, два. Сигареты забрали, спички остались только у Кузьмича. Нашел Кузьмич в кармане окурков и достал его, началась борьба за окурков, смех стоит, шум. Окурков упал на нары и в щель провалился. Кузьмич полез за ним, в этот момент открывается дверь, стоит дежурный.

– А где Кузьмич? – спрашивает он.

– Ушел, – отвечает серьезно Бас.

– Как ушел? – лицо дежурного имело неопределимое выражение. – Куда ушел?

– Домой, – отвечает Бас и лицо дежурного стало совсем тупым.

– Да тут я, – кричит из-под нар Кузьмич, и вылезает с довольной миной.

– Шутники, мать вашу! А это что? – увидел он окурков у него в руках. – А ну давай сюда, у нас не курят.

Расстроены были все. Забирали всех родители, криков было.

Еще мы ходили на Центральную, играли в футбол, там ошивались и старая шайка с Октябрьской. Картаев Саша, в детстве мы с ним хорошо дружили, а потом он испортился, компания была говно. Из-за этого я и ушел. Как бы он всегда был, точнее все считали, даже я, что он сильнее. Хотя не знаю, почему все так думали. Вот тогда мы и зацепились на футболе, я его побил, четыре удара и многолетнее мнение в прах. Толпа меня обнимала. Бас на руки поднимал. Славно проводили время на Юбилейной 3. Потом, приехала хозяйка и мы перестали

там собираться. Зелень не помню с кем стал гулять, Бас тоже обзавелся новой компанией, Цып остался со старой, не очень хорошей компанией, а мы с Сыром стали гулять с другими, а да, и Зелень позже примкнул. С Сыром мы не расставались с садика, с Зеленым познакомились чуть позже, в двухтысячном. Но какой-то период мы с Сыром не гуляли, год или полтора, а как встретились, дело было так. Мы с Зеленым ходили на крышу одноэтажного здания за школой, прыгали оттуда в снег, как раз и пришел Сыр. Потом он говорил, что у него руки замерзли, а я смотрю, на руках у него что-то не понятное. Присмотрелся, а у него вместо варежек шерстяные носки. Мы со смеху катались. Говорит перепутал. Он тогда жил на Юбилейной 5, на пятом этаже, где рядом была пустая квартира, там мы иногда ждали его и грелись после крыши. А на третьем этаже жил мужик, который вечно нас гонял оттуда, мы его называли-богомол. Однажды на новый год, мы у Сыра сидели, мамки не было, отчим спал. Нам скучно, ну мы пошли в подъезде мощную петарду бахнули. Эхо стояло жуть. Смотрю перила качаются, смотрю вниз между ними, а там этот богомол летит. Мы же к Сыру, стали закрывать дверь, а под нее что-то попало, и так вышло, что она с верхней петли слетела. Закрыть не удалось, Зелень и Сыр в комнату, а я за дверь. Стою не дышу, а самого от смеха раздувает. Богомол зашел, я не дышу, он проходит, тут встал отчим Сыра, и не поймет, не проспался.

– Ты что делаешь? А ну пошел отсюда!

Вытолкал его, тот пытался что-то сказать, отчим хватает дверь и пытается ее закрыть, а она на одной петле. Дергал- дергал, бросил. Увидел меня, выгасил из угла и пошел дальше спать.

А однажды сидим мы в той квартире, в ванной, закрылись на щеколду. Прилетает этот богомол, вырвал дверь. Первый стоял Зелень, тот его за шкирку, пинка, подзатыльник, второй Сыр, тоже самое. Моя очередь, только он заходит, а я со всей силы на встречу, отталкивают его и бежать. Но не вышло. Я поскользнулся. Он поднял меня за воротник и пинка мне. Когда мы бежали по лестнице, дико и громко ржали, и кричали – **БОГОМОЛ ВОНЮЧИЙ!!!! КОЗЕЛ!!!**

Отец позже подружился с дядькой, отчимом, Сашки и Леши Лоскутниковых, естественно, стал и я дружить с ними, больше с первым конечно. Это время было забавным и классным, сейчас я о нём и расскажу.

Глава 3. В ж* Октябрьскую

Так я перекочевал с родной Октябрьской на Центральную. Что за время было. Весна, тепло, но снег еще местами лежал, а вечером все покрывались льдом. Прекрасное время. Люблю нашу весну, прекрасней нет. Эти запахи талых крыш, этот хруст льда, эти солнечные дни. Вспоминаются строки из стихотворения Есенина: «я более всего, весну люблю, люблю разлив стремительным потоком, где каждой щепке, словно кораблю, такой простор, что не окинешь оком». Да, была у нас скамейка за домом, там и собирались, пили Балтику двойку с лимоном. Маша Никонова, Ира Кожухова, Микрякова Алена, Саня, Макс Апокин, Сергей Черкашин, Оля Головнич и ее брат Вова. А музыка, тогда я плотно сидел на группе Offspring. Это классная группа.

Я помню Олю, она была не большого роста, и я ей нравился. Тогда была мода на бензин, да, разливали по пакетам и бутылкам пластиковым и нюхали. Токсикомания – мать подростков. Места у нас были для этого дела разные, трубопроводы подземные, стройка и подвал. Однажды мы с Саней Лоскутниковым, залезли в люк и нюхаем, а мой велосипед упал и подпер крышку люка, и тот давай орать матом, думая, что это пацаны прикалываются. А пришел злой дядька, и открыл этот люк, не помню кого, но кого-то схватил, а мы в разные стороны. Я вылез аж в конце улицы. Потом мы ходили играть в футбол на сетку, это площадка за общежитие, отсюда и название, что она была огорожена сеткой. Вот там был футбол!!! Толпа, весело, летало все, ботинки, кроссовки. Пока мы играли, Алена Жукова каталась на моем велосипеде. Но это было круто. Убойный футбол. Ноги летали выше голов. Особенно было круто, когда уже стемнеет, ни черта не видно, освещения ноль, а в углу площадки человек семь пытаются ухватить мяч, которого там и нет, лупят друг – друга по ногам, ну или кого-то одного. Как-то раз мяч улетел, искали всей толпой, но кто-то додумался поджечь сухую траву, которой там было много. Нашли, и пока горела играли. Как играли, больше ржали. А иногда в подвале под общежитием сидели нюхали бензин. Заходишь, привык к темноте со света, смотришь на трубу, а там человек семнадцать, кто с чем, с пакетами, бутылками. Не то чтобы это был кайф, просто галлюцинации были разные и прикольные. Потом я, и другие ребята, продали велосипеды. Стали собираться на стройке, Юбилейной 6. Мне все время мерещилось, что я сижу на углях, мне дико жарко, я бегу по этому керамзиту и падаю в него, чтобы остудиться. Прихожу в себя и снова иду с бутылкой и нюхаю. А глюки подлые бывают, так я бегу остужаться, а там уже тоже угли, я на кирпич, а там спирали раскаленные. А однажды я видел маму, как она работала на стройке, и руки у нее были грубые, в ранах, видел, как она приходила домой, уставшая. Пацаны меня растормошили, а я оказывается плачу. Потом глюки стали все страшнее, тогда я бросил. Да и к тому же, друг отца спалил нас там с окна Юбилейной 2. Макс Апокину тогда влетело, он очень долго из дома не выходил. Мне папа тоже по первое число всыпал. И пошли мы на очную ставку. Папа, я, папин друг и Макс. Макс сказал, что меня с ними не было. Друг отца обломался, а я получил 500 рублей и был таков.

Еще был случай, пошли мы за дамбу, где озеро тройное и новый золоотвал. Там стоял охотничий домик, залезли туда, там что-то было, продукты всякие короче, мы это все взяли. Хозяин был человек, который содержал магазин Центр. И вот идем по дороге, а в это время была там и другая компания, Картаев как раз и еще какие-то обсосы. Едет хозяин, тормозит и спрашивает, кто, что, почему?

– Кто лазил в домике? Вы? Ну если вы, хана вам.

– А вон там пацаны идут, внизу, – отвечает Санек. – Они там что-то едят.

Как только он отъехал, мы дали деру в сторону поселка. А он бежал за теми. Кстати вода тогда на реке еще не пошла и был лёд, если кто знает, он такой, мы его называли – чипсы. Так вот кто-то из тех пацанов потерял ботинок и бежал босиком по этому льду. Когда нам это

рассказали, мы смеялись долго. А они сказали хозяину домика наши фамилии, пугали нас, мол он нас ищет. Но потом как-то обошлось.

Как-то гуляли с Саньком, зашли на магазин, в совхозном доме, где сидели ребята, Тарасюк и вся его братва тогда, кажется Измайловы и еще кто-то. Мы попросили у них попить. А у них игрушки, шоколад. Ну так мы и ушли. В два часа ночи будит меня отец, мол, вставай, менты пришли, что натворил? А я и не знаю, весь вчерашний день в голове прокрутил. Когда приехали в отделение, узнали. Оказывается, та компания пролезла в магазин, а свалили на нас. И что еще хуже, Санек уже сознался, но меня выгородил. Зачем правда, не знаю. Я смог доказать обратное. Дядька Сережа Шудин, поверил мне. Он всегда верил мне, и выгораживал часто, земной поклон ему. Мы к нему еще вернемся. Через пару дней подходит ко мне Буднинская, инспектор по делам несовершеннолетних и говорит.

– Извини, мы не знали и т.д.

– Да что мне ваши извинения!? Их на хлеб не положишь!

Развернулся и ушел. Просто было как-то обидно. В общем все выяснили. Но мы потом этих ребят долго искали. Я готов был их разорвать, но они прятались. А когда попадались, то убегали. От своего косяка не убежать. Его надо исправлять.

Ира Кожухова и Алена Микрякова, перестали с нами гулять. Вышел однажды скверный случай. У Алены была сестра Наташа, та еще пакость. Она как-то докапывалась до меня, я махнул ногой и ей в лицо грязь отлетела. Ира и Алена были со мной рядом. Сидим мы на качелях, бежит Леша, брат Алены и Наташи, старший. Просто с лету несколько раз бьет меня по лицу. За что я не понял, он уходит. А потом выяснилось, что Наташа сказала, будто я ее заставлял делать какие-то похабные вещи. Бред! Хотя, позже я понял, что это было вовсе не из-за Наташи, а из-за Иры. Потом они встречались, ну вроде так и живут вместе. Это хорошо, я рад. Но с Лешей мы стали врагами, позже его персонаж еще появится. А мы перейдем в следующую главу. Осень, 2002 год. Тогда не понятно, кто с кем гулял. В общем, у меня появилась девушка, Маша Шайкова, которая была меня старше на 4 года. До холодов мы тусовались с их компанией. Собственно, там были старые знакомые. Бас, Длинный, Кузя, Кулагин. Но это продолжалось не долго. Как раз до холодов. И мы вернулись в прежний порядок. Макс, Саня, Серёга, Сыр, Зелень, тогда Полина Васильченко к нам часто заходила. У нас был сарай на Юбилейной 7. А у прошлой компании тоже сарай, но на Юбилейной 5. Вот тогда была война.

Ав. Фото Колбасова Валерия
Ав. Фото Колбасова Валерия

Глава 4. 2003 год

Началось все с того, что та компания разгромила наш сарай. Потом мы их подкараулили, когда они выходили и обстреляли их с воздушшек. Потом это переросло в некий интерес, пистолеты на пулях. Они назначили встречу на стройке, было уже темно. Мы всей толпой пошли туда, а они стали из окон кидать камни, кирпичи. Совсем не годится, на первый этаж попали только мы с Максом, но вскоре без поддержки нам пришлось уйти. Мы сделали вид, что отступаем. Дошли до места, граница между Юбилейной 4 и 1. Там бетонный короб, где проходила теплотрасса, за ней и спрятались. Подпустили ближе, а потом с криком атаковали. Летело все, от пулек до камней. Они убежали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.